

Таким образом, с учетом дискуссионного характера рассматриваемых вопросов, целесообразно учесть возможность обособления таких средств из общего перечня видов вооружения, содержащихся в диспозиции ч. 2 ст. 295 УК. При таком подходе будут учтены положения п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 3 апреля 2008 года № 1 о том, что судам «при оценке степени общественной опасности содеянного и назначении наказания по делам о рассматриваемых преступлениях необходимо учитывать вид, количество, свойства ...» отдельных предметов вооружения.

Такой подход ориентирован на минимизацию ошибок правового, организационного и тактического характера, конкретизацию задач, упорядочение и оптимизацию процесса расследования указанных преступлений, совершенствование отдельных актов законодательства в сфере обеспечения безопасности, прав граждан и государственных интересов, выработке основанного на нормах законодательства единого мнения о классификации взрывпакетов, используемых в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях.

Библиографический список

1. Антонов, А.Н. Решение типовых задач расследования преступлений / А.Н. Антонов; под ред. В.В. Радаева. – Краснодар : Изд-во Краснодар. юрид. ин-та, 2000. – 102 с.
2. Дик В.Н. Взрывчатые вещества, пороха и боеприпасы отечественного производства. Часть 1. Справочные материалы. Справочник / В.Н. Дик. – Минск : Охотконтракт, 2009. – 280 с.
3. Дик В.Н. Взрывчатые вещества, пороха и боеприпасы отечественного производства. Часть 2. Рисунки и иллюстрации: Справочник / В. Н. Дик. – Минск : Охотконтракт, 2009. – 240 с.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ОПЫТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ, ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ

М.В. Талан

*заведующий кафедрой уголовного права
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
доктор юридических наук, профессор*

К.И. Нагорнов

*стажер-исследователь
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»*

В качестве одного из средств уголовно-правового реагирования на несовершеннолетних, преступивших уголовный закон, законодатели стран

постсоветского пространства единогласно продолжают выделять институт принудительных мер воспитания (далее – ПМВ), который унаследовали от советского законодателя (ст. 10 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года). Несмотря на наличие имевшей место быть общей правовой основы, регламентация данного института в настоящее время в законодательстве указанных стран имеет ряд отличий, например: в наименовании института (принудительные меры воспитательного воздействия / характера, принудительные меры, меры исправительного характера, меры убережения); в системах данных мер; в порядке, условиях и основаниях применения и др. Особое внимание в данной работе хотелось бы сосредоточить на анализе законодательных моделей описания оснований применения (выступающих также в роли оснований освобождения от уголовной ответственности / наказания) ПМВ по законам указанных государств, поскольку данная категория позволяет раскрыть сущность и определить обоснованность выделения указанного института в рамках ответственности несовершеннолетних. От правильного определения основания применения зависит и практика применения данного института.

Так, уголовные законы Азербайджана (ст. 88), Армении (ст. 91), России (ст. 90), Таджикистана (ст. 89) и Туркменистана (ст. 89) в качестве основания применения ПМВ при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности указывают на *возможность достижения исправления лица путем применения указанных мер*. Подобного подхода придерживается и законодатель Кыргызстана (ст.102) при освобождении подростка от уголовного наказания с применением данных мер. Как отмечает Л.М. Прокументов, «наличие такой возможности обуславливается двумя обстоятельствами: во-первых, свойствами личности и, во-вторых, существованием необходимых объективных и субъективных предпосылок, способных обеспечить исправление лица» [1, с. 518]. К числу преимуществ такого подхода можем отнести следующие: во-первых, законодатель, основываясь на содержательном компоненте ПМВ, моделирует определенный социально-полезный результат, который потенциально может быть обеспечен данными мерами; во-вторых, законодатель устанавливает четкую зависимость применения института от возможности обеспечить путем его применения достижение указанного результата. *Замечания:* во-первых, при такой редакции основания не избежать субъективизма (т.к. требуется осуществления прогноза), кроме того, возникают вопросы и о содержании данного основания; во-вторых, зависимость ставится только между исправлением лица без учета, например, одной из важнейших задач уголовного закона – предупреждения (также называется и одна из принудительных мер воспитания), которую законодатель закладывает в основу, при конструировании того или иного уголовно-правового института, и необходимостью достижения которой также должен руководствоваться правоприменитель.

Применительно к основанию освобождения от уголовной ответственности с применением ПМВ имеется еще одно замечание. Как отмечают, Ю.М. Ткачевский, Н.Е. Крылова [2, с. 151, 159], Благоев Е.В. [3, с. 165], основанием освобождения от уголовной ответственности по действующему законодательству следует считать отпадение или, как дополнительно указывает Е.В. Благоев существенное снижение общественной опасности виновного. Последний автор также добавляет, что «Ничьи признания, решения, выводы, убеждения или стремления также не могут служить основанием освобождения от уголовной ответственности. Любое основание всегда объективно...» [3, с. 163]. В случае применения ПМВ, общественная опасность сохраняется, т.к. она определяет необходимость достижения исправления лица путем применения данных мер, в противном случае их применение было бы нецелесообразным. Конечно, уровень общественной опасности лица, к которому были применены ПМВ, и лица, которому было назначено наказание, разный и в первом случае он ниже. В тоже время при применении данных мер, исходя из анализа их регламентации в УК обозначенных республик, предварительно не требуется установления снижения или отпадения общественной опасности, скорее, они нацелены на ее снижение и последующее отпадение. Это также подчеркивается условным характером основания освобождения (например, ч. 4 ст. 90 УК России, ч. 4 ст. 88 УК Азербайджана, ч. 4 ст. 89 УК Таджикистана и Туркменистана), что позволяет реверсировать последующее поведение.

Кроме того, не смотря на то, что основание освобождения от уголовной ответственности в отличие от основания освобождения от наказания должно быть обусловлено более вескими причинами, т.к. оно должно выступать «наиболее исключительной дифференцирующей мерой» [4, с. 153], вряд ли видится возможным различить основания освобождения от ответственности и наказания, когда ведется речь о применении одних и тех же мер, наполненных одним и тем же содержанием. Хотя стремление законодателя смоделировать специальный институт, реализуемый как вне рамок уголовной ответственности, так и в рамках последней, заслуживает одобрения. В данном случае «на помощь» могут придти отдельные дифференцирующие обстоятельства (например, категория преступления, факт совершения преступления впервые и др.), но вряд ли основанию может быть свойственна «двуликость Януса». Именно поэтому, думается, законодатели Азербайджана (ст. 89), России (ст. 92), Таджикистана (ст. 90), при регламентации ПМВ в рамках института освобождения от наказания указывают только на то, что лицо может быть освобождено от наказания с их применением. Правда, уголовно-процессуальные законы России (ч. 1 ст. 432) и Таджикистана (ст. 436), указывают, что несовершеннолетний может быть освобожден от наказания с применением ПМВ в случае, если он может быть исправлен без применения наказания. Вместе с тем, уголовно-процессуальные законы выделяют также

иные (нежели УК) основания применения ПМВ при освобождении от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 427 УПК РФ, ч. 1 ст. 432 УПК РТ).

Предпринимает такую попытку законодатель Казахстана, который в качестве основания применения анализируемых мер, при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности, указывает на возможность достижения исправления лица без привлечения к уголовной ответственности (ч. 1 ст. 83), а в качестве основания применения при освобождении от уголовного наказания – возможность достижения исправления лица путем применения указанных мер (ч. 2 ст. 83). Вместе с тем, и в первом, и втором случае речь идет о возможности исправления одними и теми же мерами, но наступают разные правовые последствия (в первом случае – освобождение от ответственности, во втором – осуждение и освобождение от наказания).

В тоже время, Пленум Верховного Суда Казахстана в п.п. 14, 15 постановления № 6 от 11.04.2002 года «О судебной практике по делам об уголовных правонарушениях несовершеннолетних и о вовлечении их в совершение уголовных правонарушений и иных антиобщественных действий»¹⁶ также обращает внимание на то, что данные меры применяются в случае, если их исправление и перевоспитание может быть достигнуто путем применения ПМВ. На это также акцентирует внимание Пленум Верховного Суда Кыргызстана в п. 27 постановления № 10 от 13.10.2017 года «О судебной практике по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними»¹⁷, а также Пленум Верховного Суда Азербайджана в п. 18 постановления № 6 от 30.06.2008 года «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних»¹⁸. Однако далее Пленум Верховного Суда Казахстана, противореча самому себе, в качестве основания применения данных мер в порядке ч. 2 ст. 83 УК РК указывает только возможность его исправления и, кроме того, относит к числу оснований – «впервые осужденный...». Как представляется, о перевоспитании вести речь стоит, т.к. в содержание института ПМВ заложен воспитательный компонент, но для этого необходимо реформировать системы ПМВ, в которых имеются меры, обладающие низкой эффективностью и неспособные обеспечить данный результат.

В качестве основания освобождения от уголовной ответственности с применением ПМВ законодатель Узбекистана (ст. 87), Украины (ст. 97), а законодатель Туркменистана (ст. 88) в качестве основания освобождения от уголовного наказания с применением указанных мер, указывают на возможность исправления лица без применения наказания. Аналогичного

¹⁶Официальный сайт Верховного Суда Республики Казахстан [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://www.sud.gov.kz/rus/legislation/CAT01/79692/2002>. – Дата доступа: 20.10.2020).

¹⁷Официальный сайт Верховного Суда Республики Кыргызстан [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://sot.kg/>. – Дата доступа: 20.10.2020.

¹⁸Официальный сайт Верховного Суда Республики Азербайджан [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://supremecourt.gov.az/post/view/166>. – Дата доступа: 20.10.2020.

подхода придерживаются законодатель Беларуси, при регламентации института ПМВ в качестве самостоятельной формы реализации уголовной ответственности (ст. 117), а также законодатель Казахстана, предусматривающий возможность применения данного института при условном осуждении (ст. 63). Помимо уже указанных нами выше, обоснованными видятся следующие *замечания*: 1) не понятно, почему при освобождении от уголовной ответственности необходимо руководствоваться возможностью исправления без применения одной из форм реализации уголовной ответственности, а не определять необходимо ли вообще привлекать к таковой или нет; 2) использованная формула порождает прямую зависимость института ПМВ от института наказания, что, хотя и обусловлено его регламентацией в рамках такой формы реализации уголовной ответственности как освобождение от наказания / условного осуждения, вместе с тем, это показывает несостоятельность данного института. Однако законодатель, в рамках регулирования вопросов уголовной ответственности, выделяет его в качестве специальной меры уголовно-правового воздействия. Помимо этого, такая регламентация отражает преимущественно карательный подход в уголовном законе (т.к. изначально ставится вопрос только о назначении наказания)¹⁹; 3) использование такой формулы («возможно без применения наказания»), неизбежно влечет постановку вопроса: возможно посредством чего?

Кроме того, в ч. 4 ст. 3 УК Беларуси говорится о том, что «каждое лицо, признанное виновным в совершении преступления, подлежит наказанию или иным мерам уголовной ответственности. Освобождение от уголовной ответственности или наказания допускается лишь в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом». При этом законодатель в ст. 46 УК указывает, в каких формах реализуется уголовная ответственность (в т.ч. осуждение с применением принудительных мер воспитательного характера). С учетом изложенного, можно прийти к выводу о том, что ПМВ также наряду с наказанием являются логическим последствием совершения несовершеннолетним преступления (конечно, при определенных условиях, ограничивающих сферу их применения, – категория преступления и т.д.) и нет необходимости указывать на зависимость применения мер от возможности исправления без применения наказания.

При освобождении лица от наказания с применением рассматриваемых мер законодатель Украины указывает на то, что лицо «...вследствие чистосердечного раскаяния и дальнейшего безупречного поведения на момент постановления приговора не нуждается в применении наказания» (ст. 105). Здесь, помимо того, что законодатель пытается различить основания освобождения с применением указанных мер в случае освобождения от

¹⁹ Особый интерес вызывает положение ч. 3 ст. 75 УК Молдовы, в котором указано, что «...наказание в отношении несовершеннолетнего применяется только после установления того, что применение принудительной меры воспитательного характера окажется недостаточным».

уголовной ответственности и в случае освобождения от наказания, обращает внимание и то, что законодатель, указывая на отсутствие нуждемости в применении наказания, обходит стороной вопрос о нуждемости и необходимости в применении к лицу ПМВ. Вызывает вопросы и указание законодателем на более повышенные требования к освобождению от уголовного наказания, нежели к освобождению от уголовной ответственности.

Не можем не обратить внимание также на то, что Пленум Верховного Суда Украины, принял специальное постановление № 2 от 15.05.2006 «Про практику розгляду судами справ про застосування примусових заходів виховного характеру»²⁰, разъясняющее отдельные вопросы применения ПМВ (аналогичного характера постановления были и ранее: от 22.12.1995 года № 21 и от 31.05.2002 № 6). Интересно, что Пленум в абз. 2 п. 1 данного постановления к целям ПМВ относит: обеспечение интересов несовершеннолетнего, заключающихся в получении надлежащего воспитания, образования, лечения, социальной, психологической помощи, защиты от жестокого обращения, насилия и эксплуатации, а также возможности адаптироваться, повысить общеобразовательный и культурный уровень, приобрести профессии, трудоустроиться.

Уголовное законодательство Молдовы (ст. 93) применительно к ПМВ, применяемым в рамках освобождения от уголовного наказания, и уголовное законодательство Азербайджана (ст. 89), Таджикистана (ст. 90) применительно к такой мере как помещение в специальное учебно-воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение, применяемой при освобождении от уголовного наказания, указывают на возможность достижения целей наказания путем применения указанных мер. Недостатком данного подхода можно назвать то, что вряд ли оправданно распространять цели, поставленные перед одним институтом на другой институт (вызывает сомнение в достижении указанными мерами восстановления социальной справедливости, скорее следует говорить о содействии в ее достижении). При чем, не совпадают и цели наказания, и цели института освобождения от наказания [5, с. 186-188], в который встроен институт ПМВ, а также цели самого института ПМВ, на что нами уже обращалось внимание.

Довольно интересной видится формула основания, регламентированная в Кодексе о правосудии в отношении несовершеннолетних Грузии. В соответствии со ст. 38 данного акта, при наличии обоснованного предположения о совершении несовершеннолетним менее тяжкого или тяжкого преступления, в первую очередь рассматривается возможность удержания и оценивается – обеспечивает ли удержание ресоциализацию и реабилитацию несовершеннолетнего и предотвращение нового преступления. Преимуществами такого подхода, по нашему мнению, являются: 1) смещение

²⁰ Официальный веб-портал парламента Украины «Законодательство Украины» [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua>. - 20.10.2020.

акцента с карательного на воспитательный подход (принцип приоритетного применения ПМВ); 2) законодатель более комплексно определяет положительные результаты, которые могут быть потенциально достигнуты путем применения данных мер. Помимо уже указанных выше, недостатком видится то, что в качестве конечного результата вряд ли правильно рассматривать ресоциализацию²¹, которая является процессом, скорее следует говорить о результатах этого процесса – исправлении [6, с. 135] либо реинтеграции²².

В целом, основания применения ПМВ в законодательстве стран постсоветского пространства регламентируются через указание на определенный социально-полезный результат, который может быть достигнут применением рассматриваемых мер, и указанием на то, что данные меры применяются в случае, когда указанный результат может быть достигнут путем применения данных мер. Отходят от указанной модели прибалтийские законодатели. Так, Литовский законодатель в ст. 82 УК вовсе отказался от выделения четкого основания применения ПМВ при освобождении лица от уголовной ответственности и от наказания, однако, установил императивное правило их применения к лицам, совершившим уголовный проступок. Законодатель Эстонии в ст. 87 Пенитенциарного кодекса указывает на учет уровня нравственного и умственного развития лица, а также его способность осознавать запрещенность своего деяния либо управлять своим поведением. Законодатель Латвии в ст. 66 УК указывает на учет особых обстоятельств совершения уголовного преступления и полученных сведений о личности правонарушителя, смягчающих его ответственность.

Сравнительный анализ позволяет обратить внимание на то, что различие в подходах к регламентации основания применения ПМВ во многом обусловлено различием в порядке их применения. При этом в регламентации основания применения имеется ряд проблем, связанных с: конструированием института ПМВ в рамках институтов освобождения от уголовной ответственности, освобождения от уголовного наказания, условного осуждения, самостоятельной формы реализации уголовной ответственности, и с соотношением института ПМВ с вышеперечисленными; определением тех социально-положительных результатов, которые могут быть реально достигнуты применением ПМВ и соотношением целей, поставленных перед уголовной ответственностью, уголовным наказанием, мерами воспитания. Как представляется, это во многом обусловлено неопределенностью законодателей с правовой природой данных мер, их ролью, местом в системе средств уголовно-правового воздействия, в

²¹ Так, под ресоциализацией и реабилитацией в п. 18 ст. 3 данного закона понимается «формирование и развитие у несовершеннолетних чувства ответственности, уважения к правам других людей, содействие физическому, умственному, духовному, нравственному и социальному развитию несовершеннолетних и их подготовка к обретению своего места в обществе».

²² Данная цель ресоциализации, например, поставлена в ст. 25 ФЗ № 182 от 23.06.2016 г. «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

связи с чем, предпринимаются попытки (не совсем удачные) «встроить» данный институт в институты освобождения от уголовной ответственности, освобождения от уголовного наказания и т.д., без учета специфики проанализированного нами института. Сказанное, несомненно, актуализирует данную тему и определяет необходимость ее дальнейшего углубленного изучения, в целях поиска наиболее оптимальной и эффективной модели законодательного описания, как основания применения, так и модели самого института ПМВ.

Библиографический список

1. Уголовное право. Общая часть: учеб.пособие / под общ. ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. – Томск: Издательский Дом ТГУ, 2016. – 600 с.
2. Курс уголовного права. Общая часть. Том 2: Учение о наказании. Учебник для вузов. Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: ИКД Зерцало-М, 2002. – 464 с.
3. Благов, Е.В. Основание освобождения от уголовной ответственности / Актуальные проблемы российского права. – 2018.– № 7(92). – С. 161-168.
4. Дифференциация ответственности в уголовном праве / А.В. Васильевский, Л.Л. Кругликов. – С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 300 с.
5. Наказание в уголовном праве: учеб.пособие для студентов образовательных организаций, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», квалиф. (степень) «бакалавр» / Ф. Р. Сундунов, М. В. Талан. – М.: Статут, 2015. – 256 с.
6. Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть. Т. 2: Учение о наказании и иных мерах уголовной ответственности / Г.А. Василевич [и др.]; под науч. ред. И.О. Грунтова, А.В. Шидловского. – Минск: Изд. центр БГУ, 2019. – 990 с.

ВОЗМОЖНОСТИ КРИМИНАЛИСТИКИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА СИСТЕМАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

А.В. Ткачев

*доцент кафедры криминалистики юридического факультета Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова,
кандидат юридических наук, доцент*

Одним из актуальных направлений, связанных с правовым регулированием процессов построения «цифрового общества», является создание юридической базы использования информационных систем, основанных на искусственном интеллекте. В настоящее время отечественное право находится на начальном этапе создания такой базы.

Приняты первые нормативные акты, в которых сформулирован понятийный аппарат и решены некоторые другие общие вопросы необходимые